

Сарматская археология от Б.Н. Гракова до современности

Аннотация: Статья посвящена оценке вклада Б.Н. Гракова в развитие сарматской археологии, он является одним из основателей этого научного направления. В 20-е – 30-е годы прошлого века им проводились археологические раскопки в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье, существенно пополнившие источниковедческую базу по изучению истории и культуры сарматов. Б.Н. Граковым была разработана периодизация савромато-сарматских памятников Волго-Уральского региона (1947 г). Выделено четыре ступени, именуемые культурами. Дана их лаконичная археологическая характеристика. Эта периодизация сохраняет свою научную актуальность вплоть до настоящего времени. В статье освещаются те уточнения и изменения, которые произошли в последующее время в результате изучения сарматской проблематики, отмечены дальнейшие перспективы ее исследования, обозначены некоторые ее проблемы, решение которых дело сегодняшнего и будущего времени.

Ключевые слова: Б.Н. Граков, сарматы, аланы, миграции, автохтонные процессы, данные антропологии, этногенез сарматских культур, проблемы датировок

УДК 903'1 (398.1)

Abstract: The article is devoted to evaluation of contribution to development Sarmatian archaeology by B.N. Grakov, who was one of the founders of this scientific direction. In 1920th – 1930th he conducted archaeological research in the Lower Volga and Southern Ural regions, which significantly replenished source database of Sarmatian history and culture studies. B.N. Grakov developed periodization of Sauromatian-Sarmatian monuments of Volga-Ural region (1947). Four stages called cultures were identified. Their laconic archaeological characteristization was given. The periodization mentioned retains its scientific relevance to present days. The article highlights those changes and clarifications that have occurred since then as a result of studying the Sarmatian problems, further prospects of its research are noted, some its problems whose solution is the matter present and future are outlined.

Key words: B.N. Grakov, Sarmatians, Alans, migration, autochthonous processes, anthropological data, ethnogenesis of Sarmatian cultures, dating issues

* Скрипкин Анатолий Степанович – доктор исторических наук, профессор Волгоградского государственного университета (e-mail: anatoly.skripkin@mail.ru)

Б.Н. Граков оставил заметный след не только в античной, скифской, но и в сарматской археологии. Раскопки им сарматских памятников в 20-х – начале 30-х гг. XX в. в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье заметно увеличили весьма ограниченный к тому времени материал по этому формирующемуся направлению археологии. Значительную роль в развитии сарматской археологии сыграла его статья, опубликованная в «Вестнике древней истории», в которой на середину прошлого века подводился итог изучению этой отрасли отечественной археологии¹. Поскольку эта статья являлась его итоговой работой по сарматской археологии, я остановлюсь на оценке основных положений, изложенных в ней, и дальнейшим их развитии вплоть до наших дней.

В названной статье Б.Н. Граковым впервые достаточно четко была обоснована четырехчленная периодизация археологических памятников савромато-сарматского времени и определены хронологические рамки каждой из четырех культур. Впервые введен термин «культура» для каждого из выделенных периодов, ранее использовался термин «стадия». Даны лаконичные археологические характеристики каждой из культур. Обоснована преемственность между выделенными культурами и двумя основными народами, известными из письменных источников, савроматами и сарматами.

Эта преемственность обосновывается автором на основании следующих данных: сведений античных авторов, отождествлявших сарматов с савроматов; единства занимаемой ими территории (от Дона до Южного Урала), по его мнению, распространение сарматских памятников накладывалось на территорию ранее обитавших здесь савроматов; сохранения и постепенного изживания матриархальных традиций, от ярко выраженных в савроматской культуре до практически полного их исчезновения в заключительной аланской (шиповской) культуре.

На основании этих положений Б.Н. Граковым был сделан основной вывод в этой его работе. «С VI в. до н.э. до конца IV в. н.э., т.е. в течение целой тысячи лет, на этом огромном пространстве (имеется в виду Южное Приуралье и Поволжье - А.С.) бытовала и развивалась одна культура. Мало того, за два века до н.э. она стала развиваться по степям Украины и повлияла на развитие культур Северного Кавказа. Единство савроматов и сарматов всем этим окончательно доказывается». Вместе с тем, он не исключал, что версия М.И. Ростовцева «о непрерывном, то постепенном, то большими ордами, передвижении сарматов из прикаспийских степей на запад остается в силе»². Правда, М.И. Ростовцев исходную территорию миграций сарматов не ограничивал исключительно прикаспийскими степями.

Поскольку вплоть до последнего времени сохраняется периодизация сарматских культур, предложенная Б.Н. Граковым, рассмотрим, как он трактовал каждую из них и какие проблемы,

¹ Граков Б. Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 1947. № 3. С. 100 – 121.

² Граков Б.Н. Указ. соч. С. 103.

связанные с их изучением, существуют в настоящее время. Обозначим название сарматских культур так, как они даны в его упомянутой выше статье³.

II Ступень. Савромато-сарматская или прохоровская культура

По Б.Н. Гракову прохоровская культура являлось преемницей савроматской (блюменфельдской) культуры. Это, кроме всего, следует и из ее названия. В доказательство этого положения он опирался в основном на собственные раскопки в Южном Приуралье, а также использовал отдельные материалы из раскопок, зачастую не совсем профессиональных, производившихся с дореволюционного времени. Б.Н. Граков полагал, что памятники блюменфельдской культуры, названной по эпонимному памятнику в Нижнем Поволжье, занимали и территорию Южного Приуралья. Он усматривал наличие связи по отдельным элементам погребального обряда и вещевому материалу между блюменфельдской и прохоровской культурами. Следует отметить, что наличие этой связи устанавливалось им исключительно на южноуральском материале. Основываясь на незначительном материале, происходящим из Поволжья (ему здесь было известно всего 16 погребений прохоровской культуры, в основном из раскопок П.Д. Рау), Б.Н. Граков заявлял, что их материал «... совершенно идентичен приуральским. Тем самым все, что верно для Поуралья, верно и для Поволжья»⁴. Одним из фактов, доказывающим преемственность между блюменфельдской и прохоровской культурами, он считал сохранение в последней матриархальных черт, выражающееся в отдельных элементах погребального обряда и материальной культуре, например, наличие в женских погребениях предметов вооружения. Дату прохоровской культуры Б.Н. Граков определял в рамках IV – II вв. до н.э.

Обратимся к современному состоянию изучения прохоровской культуры. В настоящее время прохоровская культура именуется еще и раннесарматской. Исследования показали, что в археологическом отношении Южное Приуралье и Поволжье в VI-IV вв. до н.э. развивались разнонаправленно. В Южном Приуралье в это время в погребальном обряде кочевого населения начинают проявляться черты, которые станут типичными для прохоровской (раннесарматской) культуры. В Поволжье существовала культура, датируемая с середины VI по середину IV вв. до н.э., отождествляемая с савроматами Геродота, в которой признаки формирования раннесарматской культуры отсутствовали.

В настоящее время эпицентром формирования прохоровской культуры считается Южное Приуралье. Этот процесс сочетал в себе как местные, так и миграционные элементы. Эта версия

³ В статье не рассматриваются проблемы, связанные с изучением савроматской (блюменфельдской) культуры, этой теме посвящена статья другого автора.

⁴ Граков Б.Н. Указ. соч. С. 118.

разрабатывалась рядом исследователей К.Ф. Смирновым, М.Г. Мошковой, А.Х. Пшеничнюком, Б.Ф. Железчиковым, А.Д. Таировым, Л.Т. Яблонским.

В Поволжье импульсом начала формирования раннесарматской культуры была миграция южно-уральских кочевников во время, близкое к середине IV в. до н.э. Об этом свидетельствуют данные археологии. В Нижнем Поволжье и Нижнем Дону появляются погребения в дромосных ямах (Новоузенск, Новая Квасниковка, Верячий, Сладковский, Кашеевка, Шолоховский) и около полутора десятка диагональных погребений (в Нижнем Поволжье: Новоузенский, Эльтон, Кривая Лука, Цаган-Тошу-Толга; на Дону: Житков II, Высочино VII, Крепинский II и некоторые другие). В таком сочетании эти погребальные конструкции известны только в Южном Приуралье в V – IV вв. до н.э. Кроме того, в Поволжье и на Дону появляется целый пласт предметов материальной культуры, типичный для памятников Южного Приуралья: особенно показательны глиняные сосуды с орнаментальным фризом по верхней части тулова с тальком в тесте; мечи так называемого переходного типа; конская упряжь (удила); бронзовые зеркала.

Анализ бронзовых наконечников стрел из Сладковского дромосного погребения на Дону дал рецептуру характерную для аналогичных изделий Южного Приуралья VI–IV вв. до н.э.⁵

Синхронно с этими новыми явлениями в археологии на Нижней Волге и Дону в письменных источниках появляется этноним «сирматы», приуроченный к Танаису (Эвдокс, I. Фр. 1; Скилак, 68).

С завершением становления прохоровской культуры наблюдается унификация погребального обряда у кочевого населения Волго-Уральского региона. Исчезают захоронения в дромосных ямах и подквадратные ямы с диагональным положением умерших. Получают широкое распространение погребения в простых прямоугольных и подбойных ямах, располагавшихся по кругу в кургане. Причина этих изменений не совсем ясна. Некоторые исследователи полагают, что они были вызваны новой миграцией, внесшей изменение в погребальную практику. Есть основания считать, с опорой на данные Страбона (География, XI, 7, 1; 8, 2), что в Южном Приуралье в V–IV вв. до н.э. сложился достаточно мощный племенной союз во главе с даями, распад которого пришелся, видимо, на рубеж третьей и четвертой четвертей IV в. до н.э. На это время приходится прекращение функционирования известного Филипповского курганного могильника, являвшегося местом погребения знати этого племенного объединения кочевников. Не совершаются такие погребения и в других местах Южного Приуралья. Видимо, это событие привело и к перегруппировке внутри этого кочевого объединения и к коррекции погребального обряда.

Была изменена верхняя хронологическая граница раннесарматской культуры. Б.Н. Граковым датировал ее концом II в. до н.э., поскольку с этого времени им датировалось начало следующей

⁵ Барцева Т.Б. Результаты спектроаналитического изучения металлических вещей из кургана 4 у хут. Сладковский // К.Ф. Смирнов. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984, С. 141–148.

сусловской культуры. Впервые идея датировки завершения раннесарматской культуры мной была изложена в 1984 г. на конференции в Саратове, посвященной 100-летию со дня рождения П.С. Рыкова, а более фундаментально обоснована в монографии⁶. Основанием для этого были наши раскопки в Волгоградском Заволжье, в результате которых были открыты раннесарматские погребальные комплексы с фибулами среднелатенской схемы (середина II – I вв. до н.э.), а затем и с лучковыми фибулами, которые обычно датировались не ранее рубежа эр. Сейчас работами ряда исследователей убедительно доказано, что наиболее ранний вариант лучковых подвязных фибул появился в I в. до н.э.⁷

В связи со значительным расширением времени существования прохоровской (раннесарматской) культуры встал вопрос о статусе сарматских памятников II–I вв. до н.э. Исследования выявили три района, в которых погребальные памятники этого времени отличаются рядом специфических черт.

Первый район включает территорию от Южного Приуралья до Дона, для которого характерно сохранение традиций предшествующего времени (расположение погребенных по кругу в кургане, преобладание впускных погребений, южная ориентировка погребенных); сохранение ряда типов вещевого материала (мечи и кинжалы с прямым перекрестием и серповидным навершием; лепная керамика, орнаментированная вертикальными полосами из прочерченных линий; бронзовые зеркала с валиком по краю диска и штырем для оформления ручки). Вместе с тем здесь достаточно хорошо представлены новые типы вещей, своим происхождением связанные с центральноазиатскими регионами. Это мечи, обнаруживающие сходство с китайскими образцами клинкового оружия; ажурные и гагатовые поясные пряжки, находящие аналогии в ордосских и енисейских памятниках (тесинский этап). В кургане у хут. Рыбный в Волгоградском Заволжье было обнаружено погребение II–I вв. до н.э. в колоде со своеобразной нишей в головах, ближайшие аналогии такой конструкции колоды известны в памятниках Тувы последних веков до н.э.⁸ Наличие в сарматских памятниках вещей, обнаруживающих аналогии в далеких центральноазиатских районах может свидетельствовать об их миграционном происхождении. Эта версия подтверждается данными антропологических исследований. Антропологический материал, происходящий из сарматских памятников II–I вв. до н.э. Волго-Уральского региона, свидетельствует о появлении здесь индивидов, отличающихся долихокранной черепной коробкой, в отличие от местного населения, для которого была характерна брахикrania. Причем, процент местного брахикранного населения был выше, чем пришлого долихокранного. Таким образом, для кочевого населения волго-уральских

⁶ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: изд-во СГУ, 1990. С. 165 – 179.

⁷ Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода // РА. 2003. № 2. С. 135 – 154; Скрипкин А.С. О новом варианте лучковых фибул из сарматских погребений в Волго-Донском междуречье // РА. 2003. № 2. С. 128 – 134; Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. С. 73, 74.

⁸ Скрипкин А.С. Сарматы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. С. 156, 157.

степей II–I вв. до н.э. было характерно сосуществование населения, обитавшего здесь ранее и пришлого с восточных ареалов евразийской степи⁹.

Второй район включает погребальные памятники II–I вв. до н.э. Северного Предкавказья, которых отличает своя специфика: значительное распространение западной ориентировки погребенных, отсутствие расположения погребений по кругу кургана.

Существенно отличались от остальных памятники этого времени Северного Причерноморья, которые преимущественно располагаются между Днестром и Доном. Их вообще сложно отнести к кругу памятников прохоровской (раннесарматской) культуры. Для них характерно преобладание одиночных захоронений в более древние курганы и северная ориентировка погребенных¹⁰. Из всего наследия прохоровской культуры в них известно несколько находок мечей с серповидным навершием и бронзовых зеркал с валиком по краю диска. В отношении памятников Северного Причерноморья рассматриваемого времени дискутируется вопрос об их культурной принадлежности. Считать их частью общей раннесарматской, тем более прохоровской, культуры невозможно, слишком они отличаются основными деталями погребального обряда от одновременных комплексов Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Но статус принадлежности к сарматской общности они сохраняют, т.к. античные источники в I в. до н.э. территорию к востоку от Борисфена (Днепра) именовали Сарматией (карта Агриппы).

Здесь, видимо, дело в том, что между этими тремя районами существовали еще и этнические различия. Ведь под этнонимом «сарматы» в это время скрывалось не какое-то одноэтническое население. Содержание этого этнонима периодически существенно менялось, в частности в связи с миграционными процессами. Миграции, начавшиеся во II в. до н.э., спровоцированные хунну, охватили значительную часть евразийских степей, вплоть до Северного Причерноморья. Они существенно перекроили этническую карту на всем этом пространстве. Для юга Восточной Европы первым эти изменения отразил Страбон. Следует отметить, что три названных выше географических района имеют свои отличительные черты в археологии: первый – от Дона до Южного Приуралья – совпадает по Страбону с территорией обитания аорсов, второй – Северное Предкавказье – с сираками и третий – Северное Причерноморье, между Доном и Днестром – с роксоланами (География, VII, 3, 17; XI, 2, 1; 5, 8).

Наследие прохоровской культуры предшествующего времени в значительной мере сохраняется только в первом из трех регионов. Памятники сарматского времени Северного Кавказа и Северного Причерноморья требуют разработки своей периодизации.

⁹ Балабанова М. А. Новые данные об антропологическом типе сарматов // РА, 2010. № 2. С. 72, 73.

¹⁰ Кропотов В.В. К проблеме выделения раннесарматских памятников Северного Причерноморья // Крым в сарматскую эпоху. Вып. V. Симферополь, 2019. С. 154–160.

Таким образом, мнение Бориса Николаевича Гракова о распространении со II в. до н.э. единой сарматской культуры от Южного Приуралья до Днепра не подтверждается с учетом накопления археологического материала.

III Ступень. Сарматская или сусловская культура

По Б.Н. Гракову III ступень сарматской (сусловской) культуры, которую он датировал с конца II в. до н.э. до II в. н.э., являлась дальнейшим развитием предшествующей прохоровской культуры с незначительным сохранением матриархальных традиций (всего два женских погребения из Сусловского могильника с наконечниками стрел, а также преобладание курильниц в женских погребениях). Это позволило Борису Николаевичу утверждать: «Нет больше матери-хозяйки большой семьи; на рубеже II и III ступени культуры устанавливается патриархальный род с малой семьей. Но пережитки еще налицо; для женщины не зазорно выступать с луком, и в ее руках еще сохраняется отчасти семейный алтарь, но уже в пределах малой семьи»¹¹.

В настоящее время термин «сусловская культура» употребляется редко, обычно используется название «среднесарматская культура». Существенно изменена дата этой культуры. Собственно, как представляется, Б.Н. Граков сам специально не занимался проблемой определения общей даты как этой, а также и последующей культуры. В данном случае он опирался на хронологические разработки своего ученика К.Ф. Смирнова, который в 1946 году защитил диссертацию на тему «Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья».

Ранее П. Рау выделил две заключительные стадии в развитии сарматской культуры: Первая из них (Stufe A) датировалась им I-II вв. н.э.; вторая – (Stufe B) III–IV вв. н.э.¹² Первая из них Stufe A соответствовала сусловской или среднесарматской культуре. К.Ф. Смирнов удревнил дату этой ступени, включив в нее и I в. до н.э., основываясь на существовавшие в то время датировки кубанских и некоторых северопричерноморских аналогий.

В последующее время постепенно накапливающийся материал, особенно фибулы, массовый римско-италийский импорт и некоторые другие категории вещевого материала позволили скорректировать дату этой культуры. В настоящее время она датируется I – первой половиной II в. н.э.

Сейчас вполне очевидно, что среднесарматская культура не являлась непосредственной преемницей раннесарматской (прохоровской) культуры. Выявлены существенные различия между ними как в погребальном обряде, так и в вещевом материале. В погребальном обряде: преобладание индивидуальных захоронений в курганах вместо впускных в раннесарматское время, широкое

¹¹ Граков Б.Н. Указ. соч. С. 120.

¹² Rau P. Die Hugelgräber römischer Zeit an der Unteren Wolga (Ergebnisse der Gräberforschung in der Wolgadeutschen Republik). Pskrowsk: Deutscher Staatsverlag, 1927. 112 s.

распространение погребений в квадратных ямах с диагональным положением погребенных, которые не практиковались в период сложившейся раннесарматской культуры, появление серии богатых захоронений в отдельных курганах, сопровождаемых предметами, выполненными в полихромном зверином стиле, не известными в предшествующее время (Хохлач, Садовый, Косика, Жутово и др.).

В настоящее время принято считать, что в формировании среднесарматской культуры существенную роль сыграла миграция кочевого населения с востока, точнее, скорее всего, из Средней Азии. С I в. н.э. в степях Восточной Европе упоминаются аланы. Иосиф Флавий, говоря о событиях 72 г. н.э., помещает их у Меотиды и Танаиса (Иудейская война, VII, 4). Есть мнение, ссылающееся на греческий вариант «Иудейских древностей» того же Флавия, что аланы принимали участие еще в закавказском походе 35 г. н.э.¹³

В китайской династийной хронике (Хоу Хань Шу), где события освещаются с 20-х годов I в. н.э., упоминается страна Аланья (Алань Ляо), локализуемая в Приаралье или Северном Прикаспии¹⁴.

Предметы полихромного звериного стиля, обнаруженные в упомянутых богатых захоронениях на Дону и в Поволжье, неизвестные ранее в сарматских памятниках, находят аналогии в древностях Средней Азии. В.И. Сариниди, исследователь известных погребальных комплексов Тилля-Тепе, полагал, что в Бактрии существовал центр златоделия, изделия которого распространялись от Урала до Северного Причерноморья¹⁵. И.П. Засецкая отмечала, что этот художественный стиль следует рассматривать как дальнейшее развитие звериного стиля скифской эпохи, истоки которого надо искать в искусстве племен сако-массагетского круга¹⁶.

В свое время была выдвинута версия о принадлежности аланской знати, которая возглавляла племенной союз, ряда богатых захоронений I – первой половины II в. н.э. с Нижнего Дона, в которых были найдены предметы названного выше звериного стиля¹⁷.

Антропологические данные подтверждают многокомпонентный состав населения среднесарматской культуры. Происходит увеличение доли хокранного населения, в некоторых группах появляются отдельные признаки монголоидности, но в чистом виде они не представлены. Население с этими признаками – миграционного происхождения, связано с восточноазиатскими районами. Миграция не привела к полной смене населения, продолжает сохраняться предшествующее население, для которого была характерно брахикrania.

Наряду с распространением могильников с индивидуальными захоронениями под курганными насыпями, в Поволжье и междуречье Волги и Дона имеются курганные могильники (Калиновский,

¹³ Перевалов С.М. О племенной принадлежности сарматских союзников Иберии в войне 35 г. // ВДИ. 2000, № 1. С. 203–210.

¹⁴ Скрипкин А.С. Яньцай, аорсы, аланы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История, регионоведение, международные отношения. Т. 23. № 3, 2018. С. 92 – 98.

¹⁵ Сариниди В.И. Бактрийский центр златоделия // СА. 1989, № 1. С. 72–90.

¹⁶ Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. С. 251, 252.

¹⁷ Raev B. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR International Series 278. Oxford, 1986. P. 58 – 63.

Бережновский, Первомайский и некоторые другие), в которых сохраняется погребальная традиция предшествующего времени. Антропологический анализ, показывает, что здесь обитал тот тип населения, который доминировал в предшествующее время.

Одной из проблем в изучении среднесарматской культуры является фиксируемое возрождение в ее погребальном обряде и материальной культуре ряда элементов, характерных для памятников савроматского времени. Это имеет отношение к возрождению сооружения диагональных погребений, которые воздвигались в V–IV вв. до н.э., а затем исчезли вплоть до начала н.э. Появляется серия кинжалов с волютообразным навершием, а также лепной посуды, близкой по форме посуде савроматского времени. Наблюдается нахождение в погребениях большей частью целых зеркал, что было характерно для погребальных памятников савроматского времени, в отличие от предшествующего времени, особенно II–I вв. до н.э., когда обычно умерших сопровождали фрагменты зеркал.

Наблюдается появление женских погребений высокого социального статуса (Хохлач, Кобяковский кург. 10, Соколова могила). Это как бы противоречит идее Б.Н. Гракова о низведении роли женщины до уровня хозяйки домашнего очага. Наличие серии богатых женских захоронений, исходя из критериев Б.Н. Гракова, должно свидетельствовать о возрождении матриархальных традиций, наиболее типичных для савроматского времени.

Была отмечена антропологическая близость по ряду признаков кочевников Южного Приуралья савроматского времени с населением среднесарматской культуры¹⁸. Найти убедительное объяснение этому перехлесту, перечисленных инноваций в погребальном обряде и материальной культуре двух археологических культур, разделенных между собой несколькими веками, пока не удастся.

IV ступень. Аланская или шиповская культура

По тем характеристикам, которые для этой культуры привел Борис Николаевич, она совпадает со Stufe B, ранее выделенной П.Д. Рау. Расхождения были только в датировках, поскольку П.Д. Рау датировал эту ступень III–IV вв. н.э., а Б.Н. Граков II – IV вв. н.э. Аланской она была названа вслед за П.Д. Рау, который полагал, что «Носителями нижневолжской культуры римской императорской эпохи следует считать аланов, понимая под этим именем остатки скифо-сарматских племен, слившихся в III и IV вв. на юго-востоке в одну народность»¹⁹. Эта версия П. Рау была поддержана К.Ф. Смирновым в его кандидатской диссертации²⁰. Последняя сарматская культура (аланская по Б.Н. Гракову) потеряла свое эпонимное

¹⁸ Яблонский Л.Т. На востоке скифской ойкумены. М., 2017. С. 237.

¹⁹ Rau P. Указ. соч. S. 112.

²⁰ Смирнов К.Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Доклады и сообщения исторического факультета. Вып. 5. М.: Изд-во МГУ, 1947. С. 82.

название «шиповская культура». И.П. Засецкая еще в 60-е годы прошлого века отнесла группу погребений у с. Шипово к другой, гуннской эпохе²¹. В настоящее время эта культура именуется позднесарматской.

Существенно уточнена ее дата. Оформление ее относят к середине II в. н.э. С конечной датой ее существования дело обстоит несколько сложнее. Дело в том, что с середины III в. на Нижнем Дону появляются подкурганные захоронения в катакомбах, обнаруживающие по погребальному и вещевому материалу сходство с памятниками Северного Кавказ, особенно Терско-Сунженского района. На Дону сейчас их известно более сотни²². Открыты они на территории Волгоградской и Саратовской области, а также в ряде районов Северного Причерноморья. Памятники этого типа существенно отличаются от тех памятников, которые в Поволжье П. Рау включал в Stufe B, и, естественно, от тех, которые имели в виду Б.Н. Граков и К.Ф. Смирнов в своих работах, выделяя заключительную ступень сарматской культуры.

Для подкурганных погребений, послуживших выделению позднесарматской культуры, типичными являлись узкие прямоугольные ямы и такие же ямы с подбоем в западной стенке. Мною было предложено относить эти памятники к «классической позднесарматской культуре», а захоронения в катакомбах – к «памятникам катакомбного типа позднесарматского времени», поскольку объединить их в одну археологическую культуру не представляется возможным.

В.Ю. Малашев, рассмотрев ситуацию, связанную с окончанием позднесарматской (классической) культуры на всей территории ее распространения, пришел к выводу о том, что со второй половины III в. н.э. происходит ее угасание. В IV в. памятники этой культуры отсутствуют на большей части территорий ее прежнего распространения²³.

В сложении памятников классической позднесарматской культуры ведущую роль сыграла миграция. Ее характеризуют такие признаки, как совершенно противоположная по отношению к среднесарматской культуре ориентировка погребенных – северная, широкое распространение искусственной деформации головы. В вещевом материале распространяются совершенно новые типы вещей: клинковое оружие, мечи и кинжалы без металлических перекрестий и наверший; кубической формы глиняные курильницы, бронзовые зеркала-подвески, железные ножницы. В определении исходной территории миграции населения, положившего начало формированию позднесарматской культуры, большинство исследователей считают отдельные районы Средней Азии, находя аналогии в могильниках Северной Бактрии (Тулхарском, Бабашовском, Кокумском), в памятниках джетыясарской культуры. В пользу среднеазиатского региона свидетельствует и распространение там обычая искусственной деформации головы с V–III вв. до н.э. Не исключается влияние саргатской культуры на

²¹ Засецкая И.П. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья // СА. 1968. № 2. С. 52–62.

²² Безуглов С.И. Курганные катакомбные погребения позднесарматской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии (сб. памяти Владимира Александровича Башилова). М.: Изд-во Ин-т археологии РАН, ТАУС, 2008. С. 284–301.

²³ Малашев В.Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая дата // РА. 2009. № 1. С. 47–52.

формирование позднесарматской культуры, учитывая сходство в керамическом материале. Следует отметить, что полной смены населения в позднесарматское время в Волго-Уральском регионе также не произошло, отдельные элементы среднесарматской культуры продолжают существовать и в последующее время. Например, диагональные погребения как яркая черта погребального обряда среднесарматской культуры сохраняются вплоть до III в. н.э.

Антропологические исследования также подтверждают участие миграционного компонента в формировании позднесарматской культуры. По этим данным более очевидны восточные истоки этой миграции, в краниологическом материале в большей мере обнаруживаются связи со Средней Азией. А, например, одонтологические исследования по материалам южноуральского Покровского могильника выявили близость позднесарматского населения с носителями тагарской культуры²⁴. Возможно, эта связь осуществлялась не напрямую, а через Среднюю Азию. В Южном Приуралье и Поволжье сохраняется прежнее население, известное с раннесарматского времени. В меньшей мере отмечается связь с населением Кавказа²⁵. Таким образом, как и для предыдущих сарматских культур, основную роль в формировании позднесарматской культуры играли миграционный и местный компоненты.

Комплексное изучение археологических памятников позднесарматского времени и письменных источников обозначило одну важную тему, имеющую отношение к аланской проблеме. Впервые, как было сказано выше, аланы упоминаются в I в. н.э. на Дону, это время среднесарматской культуры, ее памятники достаточно хорошо известны на Дону. Таким образом, аланы могли быть или являлись носителями среднесарматской культуры.

С середины II в. н.э. здесь же распространяются памятники позднесарматской культуры, существенно отличающейся от среднесарматской культуры. Причем и эта культура претендует быть принадлежащей аланам. Кстати, антропологические исследования свидетельствуют о сходстве краниологии населения позднесарматской культуры с аланским населением салтово-маяцкой культуры²⁶.

С середины III в. н.э. на Нижнем Дону распространяются захоронения в катакомбах, также значительно отличающиеся от памятников классической позднесарматской культуры, причем есть убедительные основания их также отождествлять с аланами-танаитами Аммиана Марцеллина, которые были разгромлены гуннами (Деяния, XXXI, 3, 1).

²⁴ Суворова Н.А. Одонтологическая характеристика ранних кочевников Южного Приуралья по материалам могильника Покровка 10 (предварительное сообщение) // Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература, 2008. С. 67–91.

²⁵ Яблонский Л.Т., Пежемский Д.В., Суворова Н.А. Палеоантропология населения Южного Приуралья позднесарматского времени по материалам могильника Покровка X // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным): материалы Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. 3. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С.155–160.

²⁶ Балабанова М. А. Проблема происхождения населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья и сопредельных территорий по данным антропологии (Проверка археологических гипотез) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным): материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. III. Волгоград, 2010. С. 201 – 206.

В общем, налицо три археологических пласта памятников, существенно различающиеся между собой в археологическом отношении, относящиеся к разному времени, но отождествляемые с одним этносом. Здесь есть еще над чем поработать. Не исключено, что и в случае с аланами мы имеем ту же ситуацию, что и с сарматами, этнический состав которых менялся, а этноним в силу письменной традиции сохранялся.

Заключение

В настоящее время мы имеем общее представление о механизме формирования сарматских культур. В этом процессе, как правило, принимали участие мигранты и в разной мере сохраняющееся предшествующее население. Это находит подтверждение как в археологическом, так и в антропологическом материалах. Б.Н. Граковым в ряде случаев правильно указывалось на наличие преемственности между выделенными им сарматскими культурами, но им была недооценена роль миграций в их формировании. Но ставить это ему в вину не следует. В то время археология еще не располагала необходимым объемом материала как по самим сарматам, так и другим народам той эпохи. Сейчас вполне очевидным является то обстоятельство, что логическим продолжением миграционных процессов раннего железного века в евразийском степном пространстве, были миграции народов в эпоху средневековья от гуннов до монголов. Но, в отличие от раннего железного века, в отношении средневековых миграций мы располагаем гораздо большей информацией из письменных источников и можем конкретно называть их участников.

Оценивая вклад Б.Н. Гракова в развитие сарматской археологии, следует отметить, что им впервые была предложена общая периодизация савромато-сарматских памятников, которая являлась значимым этапом в развитии этого направления археологии и которая не утратила своего значения вплоть до нашего времени. Она уточняется, совершенствуется, но ее основной каркас в лице раннесарматской (прохоровской), среднесарматской (сусловской) и позднесарматской культур продолжает сохраняться.

И, как мне уже приходилось отмечать в одной из своих статей, «...мы никогда не должны забывать, что нынешнее здание сарматологии покоится на том фундаменте, который был заложен основателями этого научного направления, одним из которых был Б.Н. Граков»²⁷.

Список сокращений

ВДИ – Вестник древней истории
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
РА – Российская археология
СА – Советская археология
СГУ – Саратовский государственный университет

²⁷ Скрипкин А.С. К шестидесятилетию выхода в свет статьи Б.Н. Гракова ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (пережитки матриархата у сарматов) // НАВ. Вып. 9. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. С. 31.

Библиография:

- Барцева Т.Б. Результаты спектроаналитического изучения металлических вещей из кургана 4 у хут. Сладковский // К.Ф. Смирнов. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984, С. 141–148.
- Балабанова М. А. Новые данные об антропологическом типе сарматов // РА. 2010. № 2. С. 72, 73.
- Балабанова М. А. Проблема происхождения населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья и сопредельных территорий по данным антропологии (Проверка археологических гипотез) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) : материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. III. Волгоград, 2010. С. 201 – 206.
- Безуглов С.И. Курганные катакомбные погребения позднесарматской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии (сб. памяти Владимира Александровича Башилова. М.: Изд-во Ин-та археологии РАН, ТАУС, 2008. С. 284–301.
- Граков Б.Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода // РА. 2003. № 2. С. 135 – 154.
- Засецкая И.П. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья // СА. 1968. № 2. С. 52–62.
- Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. 328 с.
- Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.
- Кропотов В.В. К проблеме выделения раннесарматских памятников Северного Причерноморья // Крым в сарматскую эпоху. Вып. V. Симферополь, 2019. С. 154–160.
- Малашев В.Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая дата // РА. 2009. № 1. С. 47–52.
- Перевалов С.М. О племенной принадлежности сарматских союзников Иберии в войне 35 г. // ВДИ. 2000. № 1. С. 203–210.
- Сарианиди В.И. Бактрийский центр златоделия // СА. 1989. № 1. С. 72–90.
- Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во СГУ, 1990. 299 с.
- Скрипкин А.С. О новом варианте лучковых фибул из сарматских погребений в Волго-Донском междуречье // РА. 2003. № 2. С. 128 – 134.
- Скрипкин А.С. К шестидесятилетию выхода в свет статьи Б.Н. Гракова ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (пережитки матриархата у сарматов) // НАВ. Вып. 9. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. С. 11 – 35.
- Скрипкин А.С. Сарматы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. 293 с.
- Скрипкин А.С. Янъцай, аорсы, аланы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История, регионоведение, международные отношения. Т. 23. № 3, 2018. С. 92 – 98.
- Смирнов К.Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Доклады и сообщения исторического факультета. Вып. 5. М.: Изд-во МГУ, 1947. С. 75 – 82.
- Суворова Н.А. Одонтологическая характеристика ранних кочевников Юного Приуралья по материалам могильника Покровка 10 (предварительное сообщение) // Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература, 2008. С. 67–91.
- Яблонский Л.Т. На востоке скифской ойкумены. М., 2017. С. 237.

Яблонский Л.Т., Пежемский Д.В., Суворова Н.А. Палеоантропология населения Южного Приуралья позднесарматского времени по материалам могильника Покровка X // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным): материалы Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. 3. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С.155–160.

Raev B. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR International Series 278. Oxford, 1986. 135 p.

Rau P. Die Hugelgräber römischer Zeit an der Unteren Wolga (Ergebnisse der Gräberforschung in der Wolgadeutschen Republik). Pokrowsk: Deutscher Staatsverlag, 1927. 112 s.

Bibliography:

Balabanova M. A. Novye dannye ob antropologicheskom tipe sarmatov // RA. № 2. 2010.

Balabanova M. A. Problema proiskhozhdeniya naseleniya pozdnesarmatskogo vremeni Nizhnego Povolzh'ya i sopredel'nyh territoriy po dannym antropologii (Proverka arheologicheskikh Gipotez) // Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoy kul'tury (po arheologicheskim i estestvennonauchnym dannym): Materialy seminarov TSentra izucheniya istorii i kul'tury sarmatov. Vyp. III. Volgograd: Izd-v VolGU. 2010.

Bartseva T.B. Rezul'taty spektroanaliticheskogo izucheniya metallicheskih veshchey iz kurgana 4 u hut. Slodkovskiy // K.F. Smirnov. Sarmaty i utverzhdenie ih politicheskogo gospodstva v Skifii. M.: Nauka. 1984.

Bezuglov S.I. Kurgannye katakombnye pogrebeniya pozdnesarmatskoy epohi v nizhnedonskih stepyakh // Problemy sovremennoy arheologii (sb. pamyati Vladimira Aleksandrovicha Bashilova). M.: Izd-vo In-t arheologii RAN, TAUS, 2008.

Grakov B. N. ГYNAIKOKRATOYMENOI (Perezhitki matriarhata u sarmatov) // VDI. № 3. 1947.

Zaytsev Yu. P., Mordvintseva V. I. Podvyaznye fibuly v varvarskih pogrebeniyakh Severnogo Prichernomor'ya pozdneellinisticheskogo perioda // RA. 2003. № 2.

Zasetskaya I.P. O hronologii pogrebeniy «epohi pereseleniya narodov» Nizhnego Povolzh'ya // SA. № 2. 1968.

Zasetskaya I.P. Sokrovishcha kurgana Hohlach. Novocherkasskiy klad. SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha. 2011.

Kropotov V. V. Fibuly sarmatskoy epohi. Kiev: ADEF-Ukraina, 2010.

Kropotov V.V. K probleme vydeleniya rannesarmatskih pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya // Krym v sarmatskuyu epohu. Vyp. V. Simferopol'. 2019.

Malashev V.Yu. Pozdnesarmatskaya kul'tura: verhnaya hronologicheskaya data // RA. № 1. 2009.

Perevalov S.M. O plemennoy prinadlezhnosti sarmatskih soyuznikov Iberii v voyne 35 g. // VDI. № 1. 2000.

Sarianidi V.I. Baktriyskiy tsentr zlatodeliya // SA. № 1. 1989.

Skripkin A.S. Sarmaty. Volgograd: Izd-vo VolGU. 2017.

Skripkin A.S. Aziatskaya Sarmatiya. Problemy hronologii i ee istoricheskiy aspekt. Saratov: Izd-vo SGU. 1990.

Skripkin A.S. K shestidesyatiletii vyhoda v svet stat'i B.N. Gakova GYNAIKOKRATOYMENOI (perezhitki matriarhata u sarmatov) // NAV. Vyp. 9. 2008.

Skripkin A.S. O novom variante luchkovykh fibul iz sarmatskih pogrebeniy v Volgo-Donskom mezhdurech'e // RA. 2003. № 2.

Skripkin A.S. Yan'tsay, aorsy, alany // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya, regionovedenie, mezhdunarodnye otnosheniya. T. 23. № 3. 2018

Smirnov K.F. Sarmatskie kurgannye pogrebeniya v stepyakh Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya // Doklady i soobshchenii istoricheskogo fakul'teta. Vyp. 5. M.: Izd-vo MGU. 1947.

Suvarova N.A. Odontologicheskaya karakteristika rannih kochevnikov Yunogo Priural'ya po materialam mogil'nika Pокровка 10 (predvaritel'noe soobshchenie) // Malashev V.Yu., Yablonskiy L.T. Stepnoe naselenie

Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskogo vremya: po materialam mogil'nika Pokrovka 10. M.: Vostochnaya literatura. 2008.

Yablonskiy L.T. Na vostokey skifskoy oykumeny. M.: Grifon. 2017.

Yablonskiy L.T., Pezhemskiy D.V., Suvorova N.A. Paleoantropologiya naseleniya Yuzhnogo Priural'ya pozdnesarmatskogo vremeni po materialam mogil'nika Pokrovka X // Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoy kul'tury (po arheologicheskim i estestvennonauchnym dannym): materialy Tsentra izucheniya istorii i kul'tury sarmatov. Vyp. 3. Volgograd: Izd-vo VolGU. 2010.

Raev B. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR International Series 278. Oxford: BAR. 1986.

Rau P. Die Hugelgräber römischer Zeit an der Unteren Wolga (Ergebnisse der Gräberforschung in der Wolgadeutschen Republik). Pokrowsk: Deutscher Staatsverlag, 1927. 112 s.